

Алексей Козлов

ПРАВДА И БЫТЬЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ
ЗАПИСКИ
МАНДЕЛЬШПРОТЕ

надежные
Фисгармонии
БЫВОТО
Пушкинского Дома
настройщиком
роялей
Василием
Бурлаевым

CHARITAS
OMNIA
CREDIT

Алексей Козлов
Правдивые и доподлинные
записки о Мандельшпроте,
найденные в фисгармонии
бывого Пуськинского Дома
настройщиком роялей
Василиском Бурляевым.
Charitas omnia kredit

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19394664

ISBN 9785447498634

Аннотация

Сатирическое сочинение о неизвестном гении, прозябающем на дне общества и погибающем в конце концов, дабы воссиять в 90-е годы благодаря величественному фонду Сороса.

Содержание

Необходимая Преамбула	5
От редакции	7
6 апреля 1932 г.	9
23 мая 1932 г.	13
24 мая 1932 г.	18
7 июня 1932 г.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Правдивые и доподлинные
записки о Мандельшпроте,
найденные в фисгармонии
бывого Пуськинского Дома
настройщиком роялей
Василиском Бурляевым
Charitas omnia kredit
Алексей Козлов**

© Алексей Козлов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Необходимая Преамбула

Ханжи и схоласты правят миром. Именно они, одетые в милицейскую форму, штрафуют Икара, окончившего полет на встречной полосе движения.

Именно они сначала поджаривали тех, кто сомневался, что Земля – блин, намазанный постным маслом, а теперь стали поджаривать тех, кто утверждает обратное.

Именно они печатают толстенные бездарные книги, способные вызвать только зевок размером с Бискайский залив, и насылают летаргический сон, порчу и гусиную кожу на леденеющего обывателя, потерявшего всякую ориентацию в пространстве и времени.

Именно они, как могильные черви, избрали плоть великих персон средой обитания и средством существования.

Это они коваными сапогами столбят территории в интеллектуальных Клондайках и искупают свою преданность светилам низкопоклонством и подлым, низким отношением к простым и беззащитным людям.

Именно им принадлежит патент на самую гнусную ложь, какая есть на свете, ложь, осененную порой недюжинным умом, образованием и муравьиной предприимчивостью. Многие из них называли себя «интеллигентами». Таким был и наш незабвенный Мандельшпрот.

Им, написавшим неподъемные фолианты и десятикнижия

о Гае Юлии Цезаре, невдомек, что одна фраза, сообщающая о том, как Цезарь почесывал голову пальцем, задумавшись, имеет право на существование в десять раз больше всех их прочих излияний. Кому нужны ваши книги, написанные блудливым умом и нечистым сердцем?

Ты, маленькая девочка, увидевшая плотного мужчину в скрипучем рваном башмаке, подвязанном веревкой, ты не задумывалась, быть может, что эти скрипящие башмаки поведают чуткому уху гораздо, гораздо больше о господине Мандельшпроте, чем все нудные псалмы текстологов, соискателей, псевдоученых, все нелепые литературные корчи, все общие места, преподносимые нам в качестве Ньютоновых яблок.

Геморроидальные псевдоисторики, университетские кастраты, педрилы-лингвисты, славянофильствующие козмополиты и космополитствующие русопяты средней полосы России! Ко мне! Комон! Я вам покажу небо в звездах и задницу – в чирьях!

Язычники всего мира, объединяйтесь! Только так мы не сделаем шага, который отделяет самое великое от очень смешного.

Оркестр, увертюру!

От редакции

Уважаемый читатель! Браток!

Предлагаемая твоему благосклонному вниманию сущая инкунабула, без всякого сомнения, является настоящей литературной сенсацией. Даже в мало-мальски замшелом городишке находки такого рода имеют самое непреходящее значение в культурной жизни целых народов и иногда на века определяют вектор их дальнейшего развития и петляния. А то и больше.

В контексте сложившегося натурального Мандельшпротведения эта находка, как вспышка шаровой молнии, высвечивает ранее скрытые страницы биографии выдающейся персоньки.

Подобно тому, как в середине конца XVIII века, Нусин-Пуськин обнаружил найденные им жемчужинки «Слово о полку Игореве», «Песнь о Великом Блуде», «Родные Гульфы», вызвавшие в дальнейшем настоящий литературоведческий бум, ор и лихорадку, эта находка, несомненно, послужит поводом для яростнейших дискуссий и споров, не могущих, впрочем, никак умалить значения для благодарных потомков этой находки как таковой.

Редакционная коллегия в расширенном составе членков сочла необходимым в целях наиболее бережного воспроизведения характера «Записок» издать их с сохранени-

ем оригинальной авторской орфографии и флуктуации. Конечно, имело бы смысл воспроизвести данные эпистолярной репринтно, что вероятно и будет сделано в ходе дальнейших натуральных изысканий, обмеров и триангуляций. Редакция выражает свою глубокую благодарность многочисленным друзьям и соискателям, а также целой армии местных приват-доцентов, без помощи которых этот эсгзключивный труд был бы неполон или односторонен.

6 апреля 1932 г.

Это событие, а именно – появление гения на свет, не сопровождалось, к моему глубочайшему сожалению, никакими запоминающимися атмосферическими явлениями. Кракатау молчал. Избиений младенцев не было замечено вовсе. Не было отмечено ни комет с растрепанными гривами, ни извержения давно почивших вулканов, не было на небесах даже барашкообразных великовозрастных тучек. Природа в этот день была равнодушна и сосредоточена, как женщина, на себе самой и своих сомнительных достоинствах. Рождение гениальных персон всегда, впрочем, сопровождалось чем-нибудь выдающимся, и в этом чарующем дне тоже была своя маленькая, но запоминающаяся изюминка. В тот чрезвычайно важный момент, когда новорожденный испустил истошный вопль, заявился, шаркая тапочками, сосед Самойлович и долго умолял главу семейства ссудить ему три рубля на приобретение пищи, в какой-то он почувствовал острую нужду. Постоянная потребность в пище изводила душу Самойловича и была причиной легкого отчуждения окружающих. Но радость отцовства была столь велика, что отец младенца, правда, слегка скорчившись, с ехидным замечанием вручил деньги соискателю. После чего тот удалился, не попрощавшись. Платежеспособность Ивана Адольфовича Самойловича всегда была под вопросом, впрочем, с известным

основанием.

Когда этот приснопамятный младенец Мандельшпрот уродился-таки, положили его на ломберный стол пузцом кверху, порезвился дабы. Ползал он, ползал, елозил-елозил, позы разные младенческие принимал, наблюдал почем зря за процессом быстротекущей жизни, глазки-бусинкиа потом решил опысать весь стол, как первое жизненное впечатление. Вот тогда его бедные родители решили: «Быть Мандельшпроту писателем или, на самый худой конец, поэтом. Как пить дать, быть. А иначе, зачем мы его уродили, козла такого? Охмахо! Прошло времечко и Мандельшпрот доктору Вермо морду кукишем расколупал, потому что тот был во многом не согласен с ним, а потому и не прав. Но это история совсем грядущих времён. Радуйся ты, ворона, радуйся ты, сорока, и ты, воробей – превеликий чудотворец! Оди-хмантий! Бе!

Спи!

Сын мой – маленькое бремя,

Будь всегда здоров.

Доживешь ты, будет время,

До ночных горшков.

Ты возьмешь высоты эти,

Станешь бородат

И войдешь в вечернем свете

В свой прекрасный сад.

Знаю то, чего ты хочешь

И о чем поешь.
Ты пройдешь и не измочишь
Маленьких галош.
Золотая земляника,
Верная стеблю.
Спи и не кричи так дико.
Баюшки-баю!
Где-то в Англии.
Я не в Англии рожден,
Имя мне дано не Джон,
И фамилия давно —
Не Ячменное Зерно.
Правят здесь одни пройдохи,
Говорят, что жизнь легка.
Редко падают нам крохи,
Крохи с барского стола.
Я не в Англии рожден,
Имя мне дано не Джон,
И фамилия давно —
Не Ячменное Зерно.

Кремль
День начался сильно, отважно.
Он темен и страшен как суд.
И сопли надменно и страшно
По башне Кутафье ползут.
Кто это вампир или папа
В окне показался на миг?
На нем треугольная шляпа

И серый походный гульфик.
Чей шнобель сияет так ало?
Три пальца, два уха, живот.
Зовет он своих генералов,
Своих мандаринов зовет.
Глаза от бессонницы впалы,
Заботой согбен супермен.
Выходят за ним генералы,
Бабулис, Чурленис и Член.
День начался сильно, отважно,
Он темен и страшен как суд.
И сопли надменно и страшно
По Васе Блажному ползут.

23 мая 1932 г.

Быть может, мое повествование, настоенное, подобно фиалковому нектару на истинных фактах, не вызовет дружеского пиетета и не тронет очерстевшие души людей, но я должен продолжать свои уникальные свидетельства, памятуя о том, насколько ценны даже мельчайшие детали картины, одним из немногих созерцателей которой я был.

Что, белогвардейщину пастилой кормить? Не дождётесь, падлы!

Любовь моя, брошенная мной подруга, тысячи женщин, осчастливленных мной, вы, вы, может быть, прочитаете мои немудреные пост-революционные записки, и слеза умиления одинокой росинкой скатится у вас меж персей. Одинокая и героическая душа не смеет выпустить перо и забыть о своем долге пред самой Историей. Одинокая и трепетная душа идет вперед к невыразимому свету в чердачной люкарне, из тьмы и сомнений, из разочарований и тягостных раздумий. И этот свет – единственное, что поднимает дух озябшего путника на тяжелой стезе бытия. Иди за мной и не падай! Я выведу тебя из пустыни к зеленым долинам, к кустам раки-ты над рекой, к голубым небесам, к яркому солнцу, над которым мы еще увидим цветущий и переливающийся Эдем – страну мечты и сладостных грез. Вы все еще увидите!

Мир

В далекой деревне звонили,
И слышалось пение птах,
И стройные фавны бродили
С улыбкой в лучистых глазах.
Один под покровами леса
Застывший и тихий стою,
И стройная дивная месса
Вливается в душу мою.
Забудь! Это – тоже награда.
Смотри: над волнами лугов
Прекрасная леди дриада
Гоняет сачком мотыльков.
То – девушка мчится босая...
Войди в очарованный грот,
Дубравой себя отрясая
От серо-зеленых болот.
Иди под лазурные своды.
Меняется облачный кров,
Прилива прозрачные воды
Наполнят реку до краев.
Гоняя пугливое эхо,
Хватая ладонями свет,
Бросаясь сребрящимся смехом,
Русалки играют в крикет.
Усталый, глаза я закрою,
И вижу я глинистый склон,
В нем жизнь, будто древняя Троя,
Засыпана пеплом времен.

Бездомные в мире забытом...
И только позвякивал прах
Вбиваемых в землю копытом
Гиней, луидоров и драхм.

Отвели Мандельшпрота в детский сад имени товарища Шверника. Вывеска! Бродил-бродил он по этому дивному саду среди дикорастущих настурций, глициний и баобабов, с абсолютно кислой рожей личика и всячески делал вид, что все ему здесь страшно не нравится. Впечатлительный пингвин. Даже баобаб – краса тропических лесов, дерево, не произвел на него никакого чувственного впечатления фауны. Потом взял Мандельшпрот на КПЗ ржавый гвоздик и выцарапал на стене корявыми буквами такие словеса:

Вот сижу я под кустом.
Вижу дерево и дом,
Мандельшпрот пред ним сидит
И стишки свои кропит.
Очень много накопал
И в милицию попал.
Он в милиции сидит
И опять стишки кропит.
Разъярился милитон,
Говорит малютке: «Вон!»
В детский сад его везут,
Продолжает кроха труд,
По бумаге он скребет,

Чтобы лучше жил народ.

Попугай Попа. Это и было его первое классическое стихотворение. Вшивота. Маленький лорд Фаунтлерой. Он им всегда гордился и на гастроли в Бердичев с ним ездил. И всегда аншлаг имел очертенный. Не такой, как у некоторых. Козлы вонючие! Сопли Мира! Загадили все поэтические пажити! Я сам потомственный беспризорник. Посмотри, какие пап-пиро-сы! Пап-пиросы!

Мираж для Мэри и Анны
Пусть где-то растут золотые маслины.
И пряный, и сладостный свой аромат
Счастливые чащи, немые долины
В нагретые синие доли струят.
Ведут в эти доли прямые дороги,
Пути к воплощенью заветной мечты.
Но эти долины и эти чертоги
Железной рукою для всех заперты.
У Мэри и Анны не в редкость обиды,
Неведомы полные им закрома.
Но разве лишь тот, чьи карманы набиты,
На счастье и радость имеет права.
Но вечно надеются Анна и Мэри —
Железной рукою безжалостный страж
Откроет свои заповедные двери
И впустит их в этот счастливый мираж.
Пусть где-то растут золотые маслины.

И пряный и сладостный свой аромат
Счастливые чащи, немые долины
В нагретые синие доли струят...

Черный Сверчок

На похороны романтизма
Веселой, шумною толпой

Пришли:

Поэт.

Сверчок

И Клизма.

И – шляпы гордые – долой!

От Клизмы, ждавшей перемены

В закомплексованных мозгах,

Все дождались потока пены

И бормотания впотьмах.

Поэт, пуская сопли долу,

Вскипая как девятый вал,

Все ж предпочтение глаголу

В своих ноэлях отдавал.

В партере пели половые.

Колонна пала от толчка.

И плыли желтые и злые

Глаза желтушного сверчка.

24 мая 1932 г.

Отсутствие в юности жизненного трамплина хотя и лелеет нашу честность, но мало способствует нашим успехам. Мой отец, будь он чуть порасторопнее в былые времена, мог бы лучше позаботиться о будущем любимого сына, а не тратить свои силы на каждодневные разрушительные воздействия, так подрубившие его крепкое здоровье. Моя мама, спуская свои фамильные безделушки на образ жизни, который также с большим трудом можно назвать здоровым, могла бы хоть на несколько секунд представить себе завтрашний день своего сына и опустить виноватые глаза. Все, все растрчено, разбито, опустошено. Нет, я не осуждаю их, хотя и лишние комплименты считаю неуместными. Я не осуждаю их, ибо человек, увидевший будущее, случись такая возможность, может быть, вообще потерял бы человеческий облик, зная о своем уделе.

Это, в конце концов, не просто антропософия. Это просто измена. И других слов для обозначения этого нет. Измена – она и есть измена. Муж изменяет жене, солдат – родине, учёный – науке. Нет такого человека, который никогда и никому бы не изменял. Возьми любого святого и надави ему на нос, что из святого потечёт? Правильно – одна измена! Плохо ли это? С одной стороны – очень плохо! В самом деле, видели ли вы когда-нибудь хоть самую завалященную роди-

ну, которой нравится, что ей изменяют, в особенности, изменяет такая ничтожная вошь, как солдат. Этот солдат, вместо того, чтобы тихо погибнуть, бегаёт от своей ненаглядной родины и не слушается её команд! Итак, солдат вместо того, чтобы погибнуть и дать своим подвигом пример другим солдатам, жрёт в плену сосиски, удивляясь их первородному вкусу, а верные долгу сыны родины питаются доброхотными даяниями, всякой саранчой, показывая всем совершенно обратный пример и небу – голую задницу! Это очень плохо. С другой стороны – это хорошо! Измена диалектична. Она не даёт возможности никому и никогда зазнаваться, ибо на то в пруду щука, чтобы карась в поле не дремал. Настают времена, когда миллиграмм чести будет куплен ценой пудов предательства. Скоро никто этому и не удивится!

Золотые ворота
Путник под терниями, кто ты-
Кто ты, усталый в пути-
Мост Золотые Ворота
Гордой стопой перейди.
Даруй им хлеб и улыбку,
Даруй им свет и добро.
И золотистую рыбку
Тихо пусти в серебро.

Немецкий бойскаут
Мир раздвигает свои берега

От высших сфер до ручья,
Когда ступает твоя нога
Там, где не ступала ничья.
Все эти скалы и этот песок
Ты должен запомнить успеть,
Когда подошва вминает цветок
В холодную дикую твердь.
Люди уходят за годом год.
Вспомни тогда о них,
Когда Господь тебя призовет
Первым в ряду других.
Мир раздвигает свои берега
От высших сфер до ручья,
Когда ступает твоя нога
Там, где не ступала ничья.

Кланяйся святому, сынок, кланяйся!

За считанные часы вырос Мандельшпрот и в школу пошел. Сущей дылдой стал Мандельшпрот. Каланча, сущая каланча. Фасция на юру. В школе Мандельшпрот стишки не писал, а больше за трепетными девочками субтильного возраста созревания бегал, дружбу предлагал, сатанински ржал, пукал и дрался на переменах милицейской дубинкой N 6. Королевский олень. Рогоносец. Больше никаких сведений, заслуживающих доверия общественности и внимания простых граждан, об отроческих годах Мандельшпрота не сохранилось. А жаль. Вот смеху бы было. Уписиться можно было бы от смеху. Честное слово, господа! Честное слово!

Я тоже хотел быть молодым. Быстро. Где мое танго шпагатом? А!

Мигтодвек

Господь сияет в небесах,
Олени шествуют в лесах,
Пасутся гуси на лугу,
Вороны прыгают в снегу.
Но тотчас умерли мечты
В тот миг, когда родился ты.
При виде жалкого раба
Шуту и арлекину
Неблагодарная судьба
Показывает спину.
Господь поблек твой и зачах,
Олень укрыт в густых кустах
И онемели гуси вдруг,
Ворон заслышав кар и стук.
И значит – умерли мечты
В тот час, когда родился ты.
Ты вверх стремился и страдал,
Не став никем, ты чем-то стал.
Рожденный для великих дел,
Ты стать великим не сумел.
Погребены твои мечты
Тем днем, когда родился ты.
Пусть убаюкает тебя
В раю качание стебля,
И охраняет твой покой

В широком поле дуб седой.
И знай: к забвенью присужден
Тот век, которым ты рожден.
Олень качает головой,
Ель распахнулась над совой
Зеленым сумрачным шатром,
И ты идешь в зеленый дом,
Забыв помедлить у черты
В тот миг, когда вступаешь ты.

География

На Севере айсберг в торосах застыл,
На Западе лошади – в дреке,
На Юге в болоте сидит крокодил,
А башня стоит на Востоке.
Без стрелок часы не умеют ходить,
Без солнца недвижна планета,
Лечу я быстрее пчелы, может быть,
Летящей со скоростью света.
В пустыне в норе затаился сурок,
В Гренландии долгая ночь.
Вот так я мечтаю, и только звонок,
И только один дребезжащий звонок,
И только ужасный звонок на урок
Мечты мои гонит прочь.
Гренландия где? Где сияющий Нил?
Стигматы и крылья Дедала?
Увы, но не нильский большой крокодил
В дневник мой поставил два балла!

Том из Бедлама
Пока наша мама волнуема ветром,
На кухне творит без конца,
Давайте упрямо натягивать гетры
И Том из Бедлама
Придёт с Того Света,
И вспомнится всё до конца.

Том из Бедлама,
Чей сундук,
На коем, крепко сбитом,
Достав еду, расселся вдруг
Ты с самым важным видом?
Том из Бедлама,
Важный вид
Ценней любой индейки.
Им обладая,
Будешь сыт,
Начнешь ходить в шубейке.
Том из Бедлама,
Ты бедняк!
Одни глаза и мощи!
До самой смерти будешь так
Смешить кухарок тощих.
Пускай пуста, легка сума,
Издравле знают боги,
Приятнее сойти с ума,
Чем с правильной дороги.

Том из Бедлама,
Что приник
Ты вдруг к шипящим кружкам-
И не показывай язык
Проходим побирушкам.
В земле за городской чертой
Давно зарыта яма,
В которой поселился мой,
Мой Томми из Бедлама.

7 июня 1932 г.

О, моя молодость! Оказывается, я еще способен влюбляться. Я анализирую это новое чувство, внезапно озарившее мою жизнь, светлое и прекрасное, и оно отвлекает меня от шершавого и колючего Мандельшпрота, но свет, проливаемый на все окружающее моей влюбленной душой, смягчает своей частицей угрюмость самого Мандельшпрота. Она – ангел, и мне кажется, что и у меня скоро вырастут крылья, и я буду порхать вместе с ней над грешной землей, как мотылек беззаботный в своем истинном произволении. Как хорошо! А потом я пришёл домой и тайно настроил свой приёмник. Представляете, из него брызнула прекрасная «Лили Марлейн», слава Богу не в исполнении этой гнилой беглой бабы, а в сильном и оригинальном исполнении. А потом я убавил громкость, ибо из динамика потёкла музыка столь же прекрасная, сколь запрещённая! Брутальный хор! Идеальное исполнение! Мужчины поют мужскими голосами! Никаких голубых! Гадость!!! Нельзя народу такого слушать! Нельзя!

Цветок, Луна и Грош
Длинна твоя дорога,
И ты на ней найдешь
Любви, несчастий много,

Цветок, Луну и грош.
Любой в дороге знает,
Что будет честь в чести.
И если путь петляет,
То отдых – впереди.
Когда ты скажешь: «Хватит!
Иди один, Гаврош!»
Тогда другой подхватит
Цветок, Луну и грош.

Из лучших выберу такого,
Кто бы мне баки городил.

Надо прямо сказать, что в детстве Мандельшпрот был бумпфелькопфом и вунденхиндом, что отразилось на его ускоренном развитии менталитета. Мандельшпрот очень любил на виолончели собачий вальс тренькать и очень этим гордился. Он вообще был очень музыкален от факта рождения чрева и частенько напевал оригинальные партии из различных зарубежных импортных опереток. Кальмар австрийский. Эти способности, как говорили в около Мандельшпротмовских кругах, достались ему в наследство от его отчима, который, будучи завсегдаем одного отечественного питейного заведения, сыграл однажды на гребенке «Марсельезу» так, что ему расстрогавшийся владелец дал полтинник. Тремоло давешнее! Ранняя пташка... – гроза червяков. Ко-

гда Мандельшпрот в средней школе пребывал, то Тараканью Мазурку так властно отбил, что все педы и гоги были восхищены до чрезвычайности зоба и стали его даже уважать, чего он, в общем, не заслуживал. Байстрюк. Но Моцарта не любил и считал его «простоватой немчурой» и злобно ногти кусал, когда слушал. Титотито!

Лох Несс

Снова воскрес

Древний Лох Несс,

Сажень в гиганте большом,

И через лес

В город залез,

В город залез.

Хорошо!

Есть в мире немало чудесных чудес

И в сказках они, и в легендах.

Всего же чудесней чудесный Лох Несс

Не нужно ему комплиментов.

Всей репортерьей банде,

Покинувшей дома,

Озеро в Шотландии

Понравилось весьма.

Когда, спускаясь, мрак ночной

Темнит зеркало вод,

Дракон из вод идет войной

И кровь людскую пьет.

Коль взвесить озера на вкус и на вес,

На запах и цвет и так далее,
То все перетянет ужасный Лох Несс,
Лох Несс, не носящий медалей.

Вкруг Лоха гранит,
Тосклив он на вид,
Узка его стройная талия,
Но даже Байкал,
Где я не бывал,
Пред Лохом не устоит...

И так далее.

В испуге вкруг озера ходит народ,
И принята в Англии хартия.

Три века, сменяясь, его стережет
Вах-вах, Королевская гвардия.

Пугают нас мамы,
Но мы так упрямы
Мы любим смотреть из окон.

На дне этой ямы,
Не любит рекламы,
Загадочный древний дракон.

Большими глазами
Он смотрит за нами,
Из носа пускает струю,
И над кораблями
Возносится пламя
И вопль громовой «Потоплю!»

Гонконг и Корея,
От сплетен дуряя,
В бинокль изучают следы

В надежде: алея,
Огромная шея
Ударит винтом из воды.
Но Вам скажу я,
Ничего не тая,
Что с Несси в воде не все чисто:
Сглодала забота
И выдумал кто-то
Его для приманки туристов.
Есть в мире немало чудесных чудес
И в сказках они и в легендах.
Всего же чудесней чудесный Лох Несс
Не нужно ему комплиментов.

Посерьезнел Мандельшпрот. Заматерел. Усы стал брить бритвой. Атмосфера кругом уникально удушливая. Блок стишки кропает изящные, дамы многогрудые запели томные куплеты. Нерусские люди бьют в барабанные груди и поносят ценз оседлости и отсечную позицию. Император глазами хлопает и парады принимает с дочками. Шарадами увлечены кругом. Одни крестьяне тяжело вздыхают и молятся на гумно, но очень далеко от больших городов. Нету ни в чем смысла, и нет почти нормальных кроманьонских людишек. Поп Гапон повел народ на Измаил, да вовремя утек, а народ поддался и пострадал страшно и несправедливо. Гниет все, и самое противное, гниет тогда, когда есть все возможности. Тут, ба, на Красной Пресне редкая стрельба пошла, дяди в шляпах

комоды на баррикады повлекли, и красные девки им вышитыми платочками махают и машут. Всеобщий протест кругом нарастает и ожидание Конституции от его Преосвященства государя императора. Все ждут конституции и палят из всех калибров стволов. Выскочил Мандельшпрот из-за угла, сорвал гимназическую фуру с головы и только изготовился заорать: «Долой кровопийцев и сосунков!» – как получил шашкой по башке и впал в протрацию комы. Когда очухался, кругом – грязь, пепел и дымок. Домой, не мешкая, поскакал Мандельшпрот, бросив гимназическую свою фуражку врагам. Смотрит, а на стенах уже висит Конституция, и все уже априори равны, а дяди комоды уже свои ищут в головешках пепелища. Учиться уже не хотелось. Ха! Какая тут учеба, когда такие глобальные сдвиги кругом наметились? Обрился Мандельшпрот налысо и в подполье ушел Маркса читать в подлиннике. Тут у него глазенки и открылись, и общественный инстинкт обострился. Не до онанизма тут!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.